

Я. А. СПРИНЧАК

К СРАВНИТЕЛЬНОМУ ИЗУЧЕНИЮ ЛЕКСИКИ МОСКОВСКИХ И УКРАИНСКИХ ГРАМОТ XIV—XV вв.

Важной проблемой в области изучения истории русского народа и истории русского языка XIII—XVI вв. является проблема формирования великорусской (русской) народности и ее языка.

В связи с этим перед исторической лексикологией русского языка встают определенные задачи, а именно: а) восстановить основной словарный фонд языка великорусской народности и определить его отношение к основному словарному фонду языка древнерусской народности, а также к основному словарному фонду складывающихся в то же время языков белорусской и украинской народностей; б) проследить отражение лексики великорусского происхождения в письменных памятниках эпохи формирования языка великорусской народности; в) изучить диалектную лексику, зафиксированную в письменных памятниках этого периода, и установить ее отношение к диалектам древнерусского языка, а также к современным говорам русского и других восточнославянских языков; г) рассмотреть взаимодействие общеславянской и старославянской лексики с исконно русской лексикой в эпоху формирования языка великорусской народности; д) исследовать лексические заимствования из других языков, проникшие в русский язык этого периода; е) изучить исторические изменения в отдельных семантических разрядах русской лексики данного периода; ж) разработать историю отдельных слов и выражений в связи с историей русского народа этой эпохи и т. п.

При решении намеченных вопросов наряду с этимологическими исследованиями, проводимыми на основе сравнительно-исторического метода, нам представляется целесообразным применение более широкого сравнения словарного состава языков восточнославянских народностей в эпоху их формирования, в процессе которого учитывалось бы не только сходство, но и различие изучаемых лексических фактов. Эти факты должны рассматриваться как составные элементы целостных лексических систем того или иного языка.

При изучении процессов лексической дифференциации формирующихся языков восточнославянских народностей следует различать явления двух родов: во-первых, использование этими языками лексических единиц, унаследованных из языка древнерусской народности, и, во-вторых, употребление новых лексических единиц, входящих в словарь языка той или иной восточнославянской народности из местных говоров или заимствованных из языков соседних народов. Важно подчеркнуть при этом, что такие новые слова, в отличие от общего унаследованного из языка древнерусской народности основного словарного фонда, неизвестны другим родственным языкам.

Так, например, в словаре языка великорусской народности появляется

ряд новых слов, не употреблявшихся в древнерусском языке и не встречающихся в языках белорусской и украинской народностей или только одной из них: *деньги* (ср. белорус. *грошы*, укр. *гроші*), *деревня* [ср. белорус. *вёска*, укр. *село*, хотя в украинском языке слово *деревня* изредка употребляется со значением «срубленный лес для постройки»¹, «деревья» (собирает.)²], *мельница* (белорус. *млын*, укр. *млин*), *крестьянин* (белорус. *селянін*, укр. *селянин*), *кружево* (белорус. *карункі*, укр. *мереживо*), *лавка* «торговое заведение» (ср. белорус. *крама*, укр. *крамниця*, но встречается диалектное *лаўка*), *пашня* (белорус. *раля*, *ніва*, укр. *рілля*, *нива*, *поле*), *пруд* (белорус. *сажалка*, *стаў*, укр. *став*), *пуговица* (др.-русск. *пугы* — *пугье*, белорус. *гузік*, укр. *гудзик* при диалектном *пувичка*). Употребление этих слов зафиксировано московскими грамотами XIV—XV вв.³

Отметим отражение великорусской лексики в других письменных памятниках XV в. В Судебнике великого князя Ивана Васильевича 1497 г. встречаются такие слова великорусского происхождения: *годъ*, *государь* «владелец холопа», «хозяин», *деньга*, *деньги*, *деревня*, *зажигальщикъ*, *ищя* «истец», *кабала*, *кнути*, *крестьянинъ*, *лошадь*, *небѣльщикъ*, *пашня*, *отвѣтчикъ*, *пожня*, *полтина*, *помѣщикъ* — фонетический и словообразовательный вариант «помѣстникъ», *росчетъ*, *цѣловальникъ* и др.

Еще больше таких слов можно отметить в Московском летописном своде конца XV в.: *взметчикъ* «посол со взметной грамотой», *ерагъ* «оврагъ», *государь* «титул великого князя», *дворане* «дворовые люди», *денежникъ* «чеканщик денег», *деревня*, *истобникъ*, *коверь*, *коврига*, *мониста*, *норовникъ*, *нардъ* «управление», «порядок», *околотокъ*, *окольничий*, *опасчикъ* «посол, имеющий грамоту на безопасный проезд», *опришная*, *павозокъ* «судно с мелкой осадкой», *плотникъ*, *поварня*, *подьячий*, *полати*, *рожь*, *сапоги*, *сермага*, *сога* «единица обложения», *стрѣльцы* «род войска», *тамга* «пошлина с продаваемого товара», *толмачъ* «переводчик», *топоръ*, *ужинъ*, *ула*, *уѣзды*, *хыдырчикъ* «местный чиновник», *часовицикъ* и др.

Можно предположить, что некоторые из слов, ставших принадлежностью словаря отдельных восточнославянских языков, первоначально относились к территориальным диалектам, входившим в состав единого языка древнерусской народности, т. е. к древнейшему слою диалектной лексики (к сожалению, очень слабо изученному). Поскольку языки восточнославянских народностей создавались на основе территориальных диалектов, можно думать, что областная лексика из этих говоров могла проникнуть в основной словарный фонд отдельных языков восточнославянских народностей.

В памятниках древнерусского языка, написанных на юге и на севере Киевской Руси, исследователи неоднократно отмечали употребление областных слов, характерных для определенных территориальных диалектов, например в южнорусской летописи по Ипатьевскому списку: *сълма* «овечья шерсть», *въверица* «белка», *гати* «мост через топь», *кры* «льдина» (ср. укр. *крига*), *укропъ* «хипяток», *глоудъ* «жердь», «пест»

¹ Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, [Харьков], 1925, стр. 411. Кстати, там же отмечено значение «деревянный дом».

² «Украинско-русский словарь», т. I, Киев, Изд-во АН УССР, 1953, стр. 392.

³ Большая часть указанных слов отмечена в автореферате кандидатской диссертации О. В. Горшковой «Язык московских грамот XIV—XV веков» (лексика и фразеология) (М., 1951, стр. 14—18.) Следует, однако, заметить, что отдельные слова в этой работе автор ошибочно относит к великорусской лексике. Так, например, слово *мельникъ*, встречающееся в московских грамотах, О. В. Горшкова считает великорусским по происхождению словом. С этим мнением нельзя согласиться, так как данное слово является принадлежностью словаря всех восточнославянских языков. Русскому слову *мельникъ* соответствуют белорус. *мельнік*, укр. *мельник*, *мірошник* (последнее появилось в украинском языке позднее). На основании этого полагаем, что слово *мельникъ* восходит к древнерусскому словарю.

и др.; в севернорусской Первой Новгородской летописи по Синодальному списку: *въѡша* «белка», *върьшь* «хлеб», «посевы», *рьль* «посмный луг», *волога* «род пищи», *олонесь* «в прошлом году», *одерень* «навек», «крепко», «сплошно», *удньне* «полдень», «отдых после обеда» и т. п.¹

Обращаясь к изучению характера процессов лексической дифференциации языков великорусской и украинской народностей в период их формирования, сравним словарный состав московских и украинских грамот XIV—XV вв.² Сравнимые с лексической стороны московские и украинские грамоты XIV—XV вв. являются памятниками официально-делового языка, применявшегося в административно-судебной жизни Московского великого княжества и Великого княжества Литовского. Относительная близость этого языка, обслуживавшего сферу производственной, торгово-экономической и судебно-государственной жизни общества, к живой народной речи дает основание думать, что в московских грамотах мы имеем дело с отражением языка формирующейся великорусской народности, а в старинных украинских грамотах этого же периода зафиксирован формирующийся язык украинской народности. Однако следует отметить, что в словаре сравниваемых московских и украинских грамот встречается много общих слов, употреблявшихся в административно-деловом языке Киевской Руси.

Приведем некоторые примеры, характеризующие общность лексического состава тех и других источников.

Казнь «наказание»: «А чересъ сю мою грамоту хто на нѣх што возмет или чимъ ихъ изобидит, быти ѿ мене в казни» (Жал. Вас. Дм. Тр. м-рю 1415—1425); «а не испра^{ва}ва. судити намъ кѣи чинити кѣтъ. и шеподарка казни и гроза» (Роз., № 15, ок. 1386).

Розъездъ «размежевание»: «а кн(а)зю великомъ ѡмѣ не встѣпатиса по том роз(ъ)ѣздъ» (Док. Дм. Ив. с в. кн. ряз. Ол. Ив. [1382]); «тогда ѡказничъ три братиници. оучинили. с даниломъ розъѣздъ» (Роз., № 43, 1411).

Исправа «решение дела»: «А кто и^меть нас сваживати..., [исп]рава ны учинити» (Док. Сем. Ив. с братьями [ок. 1350—1351]); «оучинит(ь) которымъ деломъ чаякъ кривду, любе кобеода. а любе ланъ. оучинити исправу ис нимъ» (Роз., № 3, 1352).

Послухъ «свидетель»: «А на сю грамоту послус(и)» (Дух. Ив. Ив. [ок. 1358]); «Я кто на те оустанитъ тотъ заплатитъ гривну золота вины а гривну золота послухо^мъ» (Роз., № 8, 1368).

Продолжим перечень таких слов, приводя их без привлечения соответствующего контекста³.

Бортъ «лесной пчельник», **истецъ** «ищущая сторона в судебном процессе», **гривна** «денежная единица», **грамота** «письменный акт», **въданье** «ведомство», «подчинение», **волостель** «управитель волости», **десятина** «налог в размере 1/10 дохода», **мытъ** «торговая пошлина», **порука** «поручительство», **приказникъ** «должностное лицо феодальной администрации»,

¹ Значительный материал по диалектной лексике приводит Ф. П. Ф и л и н в своей работе «Лексика русского литературного языка древнекиевской эпохи» («Уч. зап. Ленингр. гос. пед. ин-та им. А. И. Герцена», т. 80, Л., 1949).

² Лексический материал из украинских грамот приводим по книге проф. В. Р о з о в а «Українські грамоти», т. I (Київ, 1928). В тексте номер грамоты по этому изданию указываем в скобках. Словарный материал из духовных, договорных и жалованных грамот московских великих князей приводим по сборникам «Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв.» (М.—Л., 1950) и «Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV—начала XVI вв., т. I, (М., 1952) с сохранением особенностей воспроизведения текста в этих изданиях.

³ Значения этих слов определялись при помощи «Материалов для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневского, словарей Кочина, Дювернуа, Дала, Тимченко и ряда других.

продажа «денежный штраф в пользу князя», *орудие* «дело», *перевъсье* «снасть для ловли птиц», «охотничье угодье», *погость* «поселение», «административно-хозяйственная единица», *ростъ* «приплата за ссуду», «процент», *радъ* «договор», «сделка», *татья* «кража», *ратъ* «война», «войско», «поход», *рѣзь* «процент», *серебро* «деньги», *серебреникъ* «крестьянин, взявший у феодала ссуду», *сотникъ* «должностное лицо, возглавляющее сотню», *станъ* «административный центр», «лагерь», «обоз», *староста* «лицо выборной администрации в общине», *сто* «сотня», «единица самоуправления городского населения», «купеческая организация», *тиунъ* (вариант *тивунъ*) «должностное лицо феодальной администрации», *товаръ* «товар», «имущество», «обоз», *уздѣ* «административно-территориальная единица», *чернецъ* «монах», *ѣство* «заключение», *юрлыкъ* «ханская грамота» и т. п.

Наличие общей лексики в словаре московских и украинских грамот, отражающих процесс формирования языков великорусской и украинской народностей, объясняется тем обстоятельством, что эти языки создавались на основе языка древнерусской народности. Приведенные слова были усвоены составителями грамот из официально-делового языка Киевской Руси. Часть их, повидимому, входила в основной словарный фонд языка древнерусской народности, например такие слова, как *ключникъ*, *холоп*, *роба*, *староста*, *грамота*, *приказникъ*, *отчина*, *ряд*, *полон*, *товар*, *серебро* и др.

Небольшую часть общей лексики в московских и украинских грамотах составляют слова, проникшие в официально-деловой стиль древнерусского языка из церковнославянского, например: *богородица*, *евангелистъ*, *благословение*, *апостолъ*, *маслопустъ*, *митрополитъ* *всею Русю*, *милостью бжю*, *великомученикъ*, *икона*, *рѣство хрво* и т. п.

Лексические различия в словарном составе московских и украинских грамот определяются путем сопоставления семантически эквивалентных слов, употребляемых в этих грамотах. Такие различия, по нашему мнению, отражают процессы дифференциации формирующихся на основе местных диалектов языков великорусской и украинской народностей в области словарного состава, в котором эти процессы проявляются в первую очередь.

Лексические различия восточнославянских языков особенно отчетливо обнаруживаются в словах с одинаковым значением при различной лексической основе (ср. русск. *пруд* и укр. *став*) или различающихся по значению при одинаковой лексической основе (например, русск. *неделя* равнозначно укр. *тиждень*, а укр. *неділя* имеет значение «воскресенье»).

Приведем некоторые примеры употребления различных, но семантически эквивалентных слов в московских и украинских грамотах XIV—XV вв.

Врагъ — *юръ*; *вражскъ*, *врагъ* (совр. *овраг*): «да вражомъ¹ вниз до рѣки до Городенки, да рѣкою Городнею въверхъ, а из рѣки из Городни въ Волови врагъ направо» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Фед. и Ив. Бор. 1497); *юръ*: «землю Дирѣжати Матъ по самю Сѣхю каминию С подеимными тамъ того мѣста по рѣчкѣ рашакоуѣхъ Котора и дикѣтъ впадаетъ И а онии Городищами И ихъ ширѣю И должгю земланю И изъ стѣлками И прами Долннами По на дѣнстромъ И въ пѣлахъ» (Роз., № 93, 1459).

Впрокъ — *въчно*, *въ вѣки*²; *впрокъ*: «А вымѣнилъ есми 8 своихъ брагани-

¹ Ср. название улицы в Москве «Сивцев вражек» (см. А. Преображенский, Этимологический словарь русского языка, вып. 9, М., 1914, стр. 638).

² В новгородских грамотах в этом значении употребляется слово *одернь*: «Даю за все за то два села съ обильемъ, и съ лошадьми, и съ бортью, и съ малыми селищи, и пнь и колода, одернь святому Гергью» (Дух. Климента не позднее 1270); текст

ченъ ихъ земли во всемъ своемъ великомъ княжествѣ, гдѣ ни бѣди, себѣ и своимъ дѣтемъ въпрокъ» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Фед. и Ив. Бор. 1497); *въчно*: «а дѣмъ тому предъ писаному пану. андрѣю колотеничу. крѣху мнѡванамъ мѣста. вѣчно и напередѣ» (Роз., № 65, 1433); *оу вѣки*: «ана продѣла вѣтрашкови радъцѣнъ»скому свою дѣдину и вотинну оу вѣки и дѣтима юго» (Роз., № 5, 1359).

Годъ, лѣто—*рокъ, лѣто; годъ*: «А оуидуть четыре годы, и тобѣ давати дань и юмъ по старому» (Док. Вас. Вас. с кн. гал. Юр. Дм., 1428); *рокъ*: «и даимъ ѣму те заплатити тыхъ шдину тысячу рублемъ. фразьского серебра. Ш сего днѣ вышѣ писанаго. за два роки цѣлемъ» (Роз., № 42, 1411).

Правда, в украинских грамотах слово *рокъ*, согласно его этимологии, употребляется еще в значениях «срок»: «а что на рокъ не станеть. но а ни вкажетъ. тотъ стразнаъ тогда» (Роз., № 36, 1401). Слово *лѣто*, имеющее значение русского слова *год* и украинского *рік*, употребляется одинаково как в московских, так и в украинских грамотах.

Господинъ—*панъ; господинъ*: «А тобѣ, г(о)с(поди)не, княз(ь) вел(и)кий, к собѣ его не приимати же въ боцре» (Док. Сем. Ив. с братьями [ок. 1350]); *панъ*: «а панъ каюся имати того існого сил. шидова. оуживати» (Роз., № 33, 1400).

В московских грамотах слово *господинъ* обычно встречается при обращении к великому князю. Аналогичный случай употребления в звательной форме слова *господинъ* можно отметить в Жалованной грамоте Свидригайла Ольгердовича Ивану Мухате (1445): «мушата рѣкъ предъ нами ѿ гни какъ коли не было десятии» (Роз., № 81). Кроме того, как в московских, так и в украинских грамотах употребляется слово *господарь* «хозяин», «владельец».

Грамота—*листъ; грамота*: «А дан(а) грамота на Москвѣ июл(я) того лѣта, коли город Москва погорѣла» (Жал. Вас. Дм. Тр. м-рю [1415]); *листъ*: «и писанъ. листъ. оу смотри» (Роз., № 10, 1375). Иногда в украинских грамотах в этом значении (т. е. «письменный акт») встречается слово *грамота*: «а дана иста грамота оу кохури» (Роз., № 12, 1377).

Городской человекъ, горожанин—*мѣстичъ; городской человекъ*: «также игумен не вступаетъ в городско(о) ч(е)л(о)в(е)ка» (Жал. Вас. Вас. Тр. м-рю 1439); *мѣстичъ*: «коуинаъ панъ ганько сварца мѣстичъ лвовский старшин. Б оашка оу. малечковича. дѣднство на ширку» (Роз., № 8, 1368).

Дьякъ—*писарь; дьякъ*: «А грамоту пис(а)лъ дьякъ Нестеръ» (Дух. I Дм. Ив. 1378); *писарь*: «а писалъ. писаръ. Младохѣй. королевымъ приказомъ» (Роз., № 32, 1399).

Очень редко в украинских грамотах встречается слово *дьякъ*, например: «а писалъ грамоту писаръ пана старостынъ дьякъ изъ вельстраничъ наминамъ дашковичъ» (Роз., № 5, 1359).

Деньга, деньги—*грошъ, гроши; деньга*: «А мыта с воза по дензе» (Док. Дм. Ив. с вел. кн. ряз. Ол. Ив. [1382]); *грошъ*: «и итъ могоричъ оу выкиного оу дому за копу гроши» (Роз., № 5, 1359). Формы множественного числа этих названий монет являются общим наименованием денег. Правда, в этом значении в московских и украинских грамотах употребляется еще древнерусское слово *серебро*.

Занати—*позичити; занати*: «А что емъ занал оу гости и оу суконьников шестьсотъ рублей» (Док. Вас. Вас. с кн. гал. Юр. Дм. [1433]); *позичити*: «пано петр ково^ѣ модавым. зать и приатѣл нашъ. позичило на^ѣ а тисачѣ рубли фразьского серебра» (Роз., № 19, 1388).

Приводится по изданию «Грамоты Великого Новгорода и Пскова», М.—Л., 1949. Сравнение лексики московских грамот с лексикой новгородских письменных памятников проведено в кандидатской диссертации О. В. Горшковой «Язык московских грамот XIV—XV веков».

Золожити — заставити; *заложено*: «а заложено 8 нег(о) в тѣх денгах чепь золота, да покс золот, да ковшь золот» (Дух. кн. вол. Андр. Вас. [1481]); *заставити*: «а се и панъ михало. нивсичъ. заставилъ свое село. чирпынъ. гирсраву сну дядьаского. оставилъ» (Роз., № 16, 1386).

Колодазь — криница; *колодазь* «соляной колодец»: «да что взяли колодаз(и) и с варницею оу Ивана оу Семенович(а) варити соль на три годы за росты» (Жал. Вас. Вас. Тр. м-рю 1449); *криница*: «ѣтъ тоє сеножатъ землѣ оуєа по дани а по гостиницѣ по Кешенаский по старый а по колето, а по криницѣ оу селестиницѣ землѣ и сеножатъ ѿ колодазѣа до колодазѣа по увозицѣ по Дескранский путь, а по криницѣ подѣ оуєа. нчимъ ѿ лиснѣ горы по колето» (Роз., № 78, 1443).

В приведенном отрывке, как видим, рядом употребляются слова *криница* и *колодазь* в одном лексическом значении.

Или — або; или: «ты, или твой бояръ» (Док. Дм. Ив. с в. кн. тв. Мих. Алекс. [1375]); *або*: «ѣли жѣ заплатиши триста копѣ широкѣ грошей пану Чусѣ аѣо по-тѣмъ вѣдѣннѣмъ» (Роз., № 70, 1434).

Рядом с *або* в украинских грамотах встречается и союз *или*: «ажѣ покс-гнѣть русина а любо руска. нан во лѣксѣ. нан хелѣнѣ чѣн. нан река. выдати его» (Роз., № 3, 1352).

*Крестьюнинъ — кметъ*¹; *крестьюнинъ*: «своим есми намѣсником и воло-стелем хрестьян ихъ судити не велѣл» (Жал. Вас. Вас. Тр. м-рю [1455—1462]); *кметъ*: «не каждого кмета. по два грѣша широкѣ. оу князю комору давати на каждыи рѣкъ» (Роз., № 12, 1377).

Льгота — привилея; *льгота*: «дал еси лготу на пат(ѣ) лѣтъ выхода не дати» (Док. Вас. Вас. с белоз. кн. Мих. Андр. 1450); *привилея*: «ѣ писалъ прикладъ сѣ исповичъ. селестрашицкий» (Роз., № 6, 1366).

Мелница — млинъ; мельница: «Да в Можайске даю своеи кн(а)г(и)нѣ село Чертановское з деревнами и з дворы з городскими... да мелницю под городом под Можайском на Москвѣ на репе» (Приписн. к Дух. Вас. Вас. 1461); *млинъ*: «братъ нашъ. кнѣзь юрьий. корѣатовѣ. придалъ млинѣ. къ цркви. къ матицѣ. къ» (Роз., № 10, 1375).

Недѣля — тыждень; недѣля: «недѣля до Юрьева да недѣля по Юрьевѣ дни, въ двѣ нед(ѣ)ли» (Грам. Ив. Вас. в Ярославль боярину И. Оболенскому [1463—1468]); *тыждень*: «а писанъ аистъ оу коломый. оу тыждѣна по стѣмъ михалѣмъ» (Роз., № 31, 1398).

Как известно, слово *недѣля* в современном украинском языке обозначает «воскресенье». В этом значении слово *недѣля* зафиксировано в украинских грамотах: «а те са дѣлао оу ндѣѣ. оу дѣѣ сѣго вѣснѣмѣ» (Роз., № 49, 1419). С иным значением это слово употребляется в устойчивом словосочетании *свѣтаѣ недѣля*: «даѣ у лѣкѣи у средѣ скатоѣ ндѣлѣ» (Роз., № 46, 1414).

Но — але; но: «тыхъ ны въ службу не приимати, но блюсти ны ихъ ихъ с одного (Док. Дм. Ив. с кн. серп. Влад. Андр. [ок. 1367]); *але*: «нижъ кмаѣ на двоѣ. але а дѣлѣ за одну» (Роз., № 2, 1349).

Пашна — рольа; пашна: «а до верхов(ѣ)а мало не дошод, да направо во враг, поперег пашен, да врагом вверхъ» (Жал. Ив. Вас. кн. вол. Бор. Вас. 1483); *рольа*: «ѣ далѣ. есѣме. со млинѣи. с полѣи сѣ рѣалѣмѣи сѣ сѣножатѣи сѣ дѣкамѣи сѣ пастѣамѣи. сѣ водами» (Роз., № 54, 1424).

Изредка в украинских грамотах встречается и слово *пашна* (отмечено 5 случаев): «сѣло наше тѣмѣи со всѣмъ тѣмъ што к тому Бѣлу нѣдаки прислѣхѣло с паш-

¹ Современное украинское слово *кметъ* имеет значение «крестьянин», «хлебопашец» (см. Б. Д. Гринченко, Словарь украинского языка, стр. 793). Следует, однако, отметить, что в последнее время оно вышло из употребления и заменилось словом *селянин*. Ср. древнерусск. *къметъ* «внѣзѣ», «знатный», при др.-чеш. *kmetský* «крестьянский»; ср., впрочем, совр. чеш. *kmel* «старик», «член сельского суда».

жительства», личба «счет», мочило «пруд для мочения льна и конопли», понеделюк «понедельник», полонина «горное пастбище», пригода «случай», приключение», нащадок «потомок», рада «совет», дума, сведоцтво «свидетельство», скарьб «казна», тесла «плотник», урядник «чиновник», час «время», шкода «ущерб», вред, уживати «пользоваться» и т. п.

В лексическом составе украинских грамот заметное место занимают словарные заимствования из польского языка, например: влость «область» (польск. *włość*), вшелакыи «всякий» (польск. *wszelaki*), кды «когда» (польск. *gdy*), моцно «сильно» (польск. *mocno*), круль «король» (польск. *król*), зацный, цный «честный», благородный» (польск. *zaczny, cny*), маршалокъ-дворецкий» (польск. *marszałek*), опатренье «попечение» (польск. *opatrzenie*), обьцати «обещать» (польск. *obietać*, др.-русс. *объчевати*), свенеть «улей» (польск. *swiepet*), шляхта «дворянство» (польск. *szlachta*) и др.

Различия в словарном составе московских и украинских грамот объясняются тем, что процессы формирования языков великорусской и украинской народностей совершались на различной диалектной основе и протекали в различных общественно-исторических условиях и притом в границах разных государственных объединений.

Рассмотренный лексический материал, извлеченный из московских и украинских грамот XIV—XV вв., дает основание полагать, что при сохранении унаследованного из древнерусского языка устойчивого основного словарного фонда в языках великорусской и украинской народностей в этих языках происходит его пополнение за счет лексики местных говоров и частично иноязычных заимствований. Особенно заметные изменения наблюдаются в области словарного состава формирующихся языков восточнославянских народностей, в его наименее устойчивых элементах. Черты сходства, унаследованные из предшествующей эпохи восточнославянской языковой общности и восходящие к языку древнерусской народности, дольше сохраняются в области устойчивого основного словарного фонда этих языков.